

Эти правила являются общими для всех и апробированы в практике консультирования родителей по проблемам развития ребенка раннего возраста. Это основные нормы поведения, но они могут дополняться и другими, ситуативно проявившимися правилами, вызванными какими-либо нежелательными явлениями или действиями. Так, например, значимый взрослый, провоцирующий ребенка на отказ от деятельности сильным психологическим давлением, явно разрушает замысел легкого и обоюдно заинтересованного взаимодействия и, кроме того, демонстрирует ребенку пример проявления необоснованного упрямства. Чтобы провести черту между упрямством и настойчивостью, следует сформулировать правило «ненасилия».

Другим примером ситуации для установления правила является «избыточность» взрослого: его «много» в кабинете, в разговоре, в действиях; он отвечает и выполняет инструкции вместо ребенка; комментирует каждое его действие, а точнее, бездействие. На начальном этапе и для установления контакта такое поведение вполне уместно. Однако в дальнейшем оно не способствует формированию самостоятельности и автономности малыша даже в тесном пространстве кабинета. Таким образом, стоит напомнить, что есть предмет и главная цель таких встреч – проблема малыша. Возможно, взрослому требуется отдельная дополнительная консультативная практика, а может лояльность и корректность со стороны специалиста были восприняты как разрешительство на «сверхактивное» поведение. Для определения «берегов» активности родителя стоит ввести правило «последовательности и очередности в общении» на консультации.

Таким образом, принципы и правила, нормирующие деятельность участников консультативного процесса, с одной стороны, «технологизируют» процесс консультации, но с другой – являются гарантами взаимного доверия, безопасности и результативности психолого-педагогического взаимодействия между специалистом и родителями ребенка раннего возраста.

Литература

1. Этика практической психиатрии: Руководство для врачей / под ред. проф. В.А. Тихоненко. – М.: Право и Закон, 2002. – 192 с.
2. Лэндрет, Г.П. Игровая терапия: искусство отношений / Г.П. Лэндрет. – М.: Международная педагогическая академия, 1994. – 365 с.

ОТРАЖЕНИЕ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АВАРИИ В ДЕТСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Л.В. Финькевич

Республика Беларусь, г. Минск, БГПУ

Термин «картина мира» первоначально рассматривался как совокупность внутренних образов внешних предметов (Г. Герц), далее различались научная и практическая картина мира (М. Планк). В современных исследованиях картина мира понимается и как исходный образ мира – основа мировидения, и как интерпретация и акт миропонимания. В качестве главного принципа иерархизации предметов выступает принцип ценностной ориентированности человека (А.Я. Гуревич, И.В. Равич-Щербо). Важнейшим средством построения картины мира выступает язык.

В социальной психологии детства феномен картина мира рассматривается соотносительно детской картины мира. Детская картина мира – это особая система значений, представлений, отношений ребенка к окружающей среде, другим людям и самому себе, формирующаяся в детской субкультуре. Она является синкретичным предметно-чувственным образованием, выступающим не как пассивно-отражательное, но как активно конструирующее начало построения ребенком пространства собственных отношений с окружающим миром как определенных ожиданий и требований к нему. Посредством системы значений в сознании детей предстает модель мира, неразрывно содержащая мир вещей и предметов и социальный мир. Социальный мир ребенка оказывается, по словам В. Абраменковой, как бы встроенным в окружающий предметный мир, представленный в детском сознании образом мира – смысловым полем, «пятым квазиизмерением» (терм. А.Н. Леонтьева). В детском образе мира центральным моментом выступает визуальная картина мира. Язык детской картины мира – это, прежде всего, невербальные знаки, это графические образы, цветовая палитра, язык пространства. В ней представлены в совокупности различные сферы мира: социальное пространство взрослых и сверстников, пространство окружающей среды, моральное пространство, пространство собственного Я (В.С. Мухина, В.В. Абраменкова).

Исходя из специфики структурно-содержательных характеристик детской картины мира и возможностей ребенка в ее репрезентации, в социальной психологии детства предлагается особый методологический подход к исследованию данного феномена – преимущественно невербальные методы диагностики отношений ребенка к миру,

к самому себе. Несомненна продуктивность названного подхода к выявлению содержания представлений, образов и отношений детей к важнейшим явлениям современной эпохи. Одним из таковых является образ ядерной энергетики как часть образа мира и детской картины мира.

В исследовании участвовали дети разного возраста: дошкольники, младшие школьники, подростки, проживающие в г. Брагине и находящиеся на санаторно-курортном лечении. Для исследования представлений и отношения к аварии на Чернобыльской АЭС были использованы следующие методики: диагностические рисунки «Самое плохое, страшное», «Самое доброе, смешное»; беседы с детьми, методика «Волшебная палочка». Детские рисунки посредством языка символов и знаков способны донести до нас ту часть духовного универсума, о которой умалчивает взрослое сообщество. По мнению А.Я. Гуревича, «... в них эпоха проговаривается о самой себе, о своих секретах, ... о чем нельзя услышать на уровне сознательных высказываний» (Гуревич, 1989).

Все рисунки детей на тему «Самое плохое, страшное» содержали в разных вариациях образ аварии на АЭС, переживаемый как самое страшное и опасное, что имеет непосредственное отношение к их жизни. Известно, что опасность является базовым фактором человеческого существования как в социогенезе, так и онтогенезе. В детских рисунках нашли отражение графические образы опасности – это и резкие линии, жесткая штриховка, хаотичность сюжета, условные обозначения радиационного загрязнения, ломаные линии, всевозможные варианты крестов и решеток, множество каракуль в изображении туч и клубов дыма и т. п. В них сфокусировано детское мироощущение того, что дети знают об АЭС, как они относятся к этому явлению, каким не хотят видеть мир. Цветовая гамма рисунков содержала преимущественно темные тона, контрастные сочетания, только простым карандашом с сильным нажимом и сплошной штриховкой. На рисунках сделаны подписи «Опасно!», «Смерть». У детей старшего возраста в рисунках почти отсутствуют изображения людей, преобладают условные знаки: молния, череп с костями, восклицательные знаки, символы скорой помощи и пожарной службы, «марсианский ландшафт» и др. Эти же особенности детских рисунков, посвященных тематике атомных электростанций, обнаружены и в исследованиях российских психологов (В. Абраменкова), проведенных в Подмосковье и Обнинске. В рассказах детей по рисункам содержится отражение их переживаний и страхов по поводу последствий аварии, сопряженных с болезнью и смертью.

В то же время дети проявляли огромный оптимизм в своих надеждах, веру в то, что они могут рассчитывать на помощь и поддержку, состоятся в той или иной профессии, что у них будут свои дети и семьи. Многие дети продемонстрировали яркое желание изменить ситуацию, остаться жить на прежнем месте и нигде не переселяться.

В рисунках о самом добром и смешном подавляющее большинство детей изобразили свое прошлое и будущее. При этом оно представлено в образах типичных социальных ситуаций общения со сверстниками, членами своих семей. Рисунки характеризуются завершенностью и гармонией сюжета, многообразием цветовой гаммы теплых тонов и оттенков, символизирующих позитивный эмоциональный фон отношений. Элементы декорирования, тщательность прорисовок в рисунках девочек позволяют судить о положительном самоотношении, самооценности и уверенности, незначительности беспокойности. Представляется важным, что большинство детей не обнаружили неуверенности в своем будущем.

Таким образом, исследование картины мира детей, пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС, посредством анализа детских рисунков, устных текстов, образов представлений, позволило выяснить их отношение к окружающему миру, другим людям и самим себе. Можно утверждать, что позитивное отношение к компонентам картины мира наиболее типично для прошлого и будущего времени. Настоящее время сопряжено с переживанием негативного отношения к миру, опосредованного страхом и опасениями, ощущением угрозы смерти и утрат. Это актуализирует необходимость психологического сопровождения детей, помощи их семьям.

Литература

1. Абраменкова, В.В. Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре / В.В. Абраменкова. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2000. – 416 с.
2. Гуревич, А.Я. Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии / А.Я. Гуревич // Одиссей. Человек в истории. Исследования по социальной истории и истории культуры / под ред. Ю.Н. Афанасьева и др. – М., 1989. – С. 114–135.
3. Леонтьев, А.Н. Образ мира / А.Н. Леонтьев // Избранные психологические произведения: в 2 т. / А.Н. Леонтьев. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 2. – С. 251–261.
4. Мухина, В.С. Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество / В.С. Мухина. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 456 с.
5. Осорина, М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых / М.В. Осорина. – 4-е изд., доп. – М. – СПб: Питер, 2009. – 298 с.